

Оглавление

От издателя	9
Предисловие	11
Введение	13
Благодарности	17

Часть первая КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СХЕМА

Глава 1. Источники Большого Правительства: критический обзор гипотез	23
Объяснения роста правительства	30
<i>Модернизация</i>	30
<i>Общественные блага</i>	37
<i>Государство благосостояния</i>	39
<i>Политическое перераспределение</i>	40
<i>Идеология</i>	46
<i>Кризис</i>	51
Выводы	54
Глава 2. Насколько выросло правительство? Традиционные показатели и альтернативный подход	55
Традиционные показатели роста правительства	56
Сущность большого правительства: альтернативный подход	64
Храповик: традиционные и фундаментальные показатели	70
Выводы	75
Глава 3. Об идеологии как аналитической концепции в изучении политической экономии	77
Что такое идеология?	79
Идеология и политическая деятельность	84
Анализ идеологии.	96
Идеология и риторика.	102
Идеология: экзогенна или эндогенна?	110
Выводы	114
Глава 4. Кризис, разрастание государства и идеологический сдвиг: к пониманию эффекта «храповика»	117
Графическое представление проблемы	121
Отчего активизируется храповик? Гипотеза сокрытия издержек	125
Отчего сжатие неполное? (Частичная) гипотеза идеологического сдвига	136
Заключение: как возникает эффект храповика?	146
Предстоящая задача	147

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ИСТОРИЯ

Глава 5. Кризис при старом порядке, 1893—1896 гг.	151
Идеологически обоснованное созидательное разрушение, 1865—1893 гг.	154
Депрессия и общественные беспорядки, 1893—1896 гг.	164
Сбережения и золотой стандарт	170
Поддержание закона и порядка на рынке труда.	175
Отклонение подоходного налога	185
Выводы	196
Глава 6. Прогрессивная эра: мост к современности	199
Экономическое развитие и изменение политики, 1898—1916 гг.	200
Смена направления идеологических ветров	212
Конец и начало: волнения на железных дорогах в 1916—1917 гг.	218
Выводы	225
Глава 7. Политико-экономическая организация военного времени, 1916—1918 гг.	227
Нейтралитет, процветание и кризис морских перевозок	228
Спор о готовности к войне и новые полномочия государства	232
Война и воинский призыв	239
Манипулирование рыночной экономикой: главные ведомства	246
Трудовые конфликты и захват железных дорог	260
Решения Верховного суда в связи с военными мерами	268
Наследие: институциональное и идеологическое	272
Выводы	282
Глава 8. Великая депрессия: «Ситуация более чрезвычайная, чем война»	287
Экономический взлет и падение, 1922—1933 гг.	288
Что делал Гувер?	292
Междущарствие отчаяния	300
Чрезвычайная ситуация!	302
Первый Новый курс: сто дней	309
Прополка и обрезка первого Нового курса: Верховный суд	322
Наследие: институциональное и идеологическое	336
Выводы	344
Глава 9. Политэкономия войны	347
Формальный нейтралитет и фактическое участие в войне, 1939—1941 гг.	350
Дополнительные полномочия и регулирование цен	361
Вооруженные силы и экономика	372
Работай или воюй	378
Верховный суд тоже идет на войну	386
Наследие: институциональное и идеологическое	395
Выводы	409

Оглавление

Глава 10. Кризис и Левиафан: от Второй мировой войны до 1980-х годов	413
Смешанная экономика: к социализму или к фашизму?	416
Кризис и Левиафан: новейшие эпизоды	426
Выводы	447
Глава 11. Взгляд в прошлое и в будущее.	449
Взгляд в прошлое	450
Взгляд в будущее	454
Приложение к главе 2	456
Приложение к главе 9	464
ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	467
<i>Экономика, политика и государство</i>	467
<i>Рост правительства</i>	470
<i>Идеология, идентичность и риторика</i>	471
<i>Конец XIX века</i>	472
<i>Прогрессивная эра.</i>	473
<i>Первая мировая война</i>	475
<i>Великая депрессия.</i>	476
<i>Вторая мировая война.</i>	478
<i>После Второй мировой войны</i>	479
<i>Биографические и общеисторические сочинения</i>	480
<i>Вопросы права и Конституции</i>	482
<i>Дела, рассмотренные Верховным судом</i>	483
УКАЗАТЕЛЬ	485

От издателя

Конец XIX и весь XX век были периодом беспрецедентного роста полномочий государства, находящихся в его распоряжении ресурсов и масштабов его вмешательства в экономическую и частную жизнь граждан. Хотя в разных странах этот процесс имел существенные различия, нет никакого сомнения в его однонаправленном характере. Феномен «роста государства» давно стал предметом исследований, среди которых особое место занимает книга «Кризис и Левиафан» американского экономиста и историка Роберта Хиггса, старшего научного сотрудника исследовательского центра Independent Institute, редактора журнала *The Independent Review* и преподавателя ряда университетов, автора нескольких книг и множества статей. Представленная вниманию читателя работа получила широкую известность и является одной из классических по данной теме.

Опираясь на большое количество подробных исторических сведений, Хиггс показывает, что рост полномочий и ресурсов в распоряжении американского государства на протяжении всего XX в. происходил в соответствии с повторяющимся типовым сценарием. Тот или иной внутренний или внешний, действительный или воображаемый «кризис», который даже может быть вызван или спровоцирован действиями самого государства, используется им для развертывания новых программ, призванных смягчить или устранить его последствия. Они всегда предусматривают расширение полномочий государства и вторжение его в сферы, которые ранее считались не относящимися к его компетенции. Очень часто это сопровождается увеличением количества и доли ресурсов, передаваемых в его распоряжение посредством налогообложения, государственных заимствований и денежной эмиссии (инфляции). Когда кризис заканчивается, эти программы обычно сворачиваются, но, что самое важное, ситуация никогда не возвращается к докризисному уровню. Размеры государства оказываются немного, а то и заметно больше, чем до кризиса, — эффект храповика.

Важную роль в этом процессе, как показывает Роберт Хиггс, играет идеология и социальная психология. В «нормальное» время в странах с мощной гражданской традицией довольно трудно радикально усилить государство. Однако в ситуации кризиса, когда преобладающей эмоцией в обществе становится страх, у государства появляется возможность для этого.

Государственные функционеры, обслуживающие их академические интеллектуалы и СМИ подогревают эту атмосферу страха, стараются внушить публике идею, что только публичная власть способна «вывести страну из кризиса».

Хиггс демонстрирует действие эффекта храповика, используя главным образом факты американской истории конца XIX и почти всего XX века, рассматривая влияние экономических кризисов, включая Великую депрессию и кризис 70-х годов, обе мировые войны, корейскую и вьетнамскую войны и т.д. Уже после того, как данная книга увидела свет, мы могли наблюдать подобные явления после террористической атаки 11 сентября 2001 г. и финансово-экономического кризиса 2007—2009 гг.

Книга Роберта Хиггса интересна и с методологической точки зрения. Автор проводит тщательный сопоставительный анализ имеющихся объяснений процесса роста государства и способов его описания. Кроме того, он посвящает большое внимание разработке концепции влияния идеологии на политико-экономические процессы.

Интересен вопрос о применении подхода Роберта Хиггса к процессам, происходившим в других странах. При беглом наблюдении достаточно легко выявить аналогичные эпизоды использования «кризиса» в качестве предлога для наращивания роли и масштабов государства или публичной власти — например, «советская модернизация» конца 20-х — начала 40-х годов, начальный этап «холодной войны», а из недавних — политическая реформа, последовавшая за серией террористических актов августа-сентября 2004 г. Но более систематическое применение концепции и инструментария, разработанного в книге «Кризис и Левиафан» к анализу политико-экономических процессов в России и других странах представляет собой интересную и нетривиальную творческую задачу.

«Кризис и Левиафан» — одна из ключевых работ в современной политической науке. Принимая решение о ее издании на русском языке, Редакционный совет надеется, что она станет полезным инструментом в политических и политико-экономических исследованиях, а ее выход стимулирует плодотворную творческую дискуссию.

Председатель Редакционного совета
Валентин ЗАВАДНИКОВ
Май 2010 г.

Предисловие

О возникновении Большого Правительства в Соединенных Штатах Америки существует огромная литература. Исследованием и истолкованием упадка традиционных американских ценностей и институтов занималось множество историков и обществоведов, но лишь немногие попытались проделать глубокое эмпирическое исследование роста правительства США, попытавшись понять, как это случилось, и представить данные, характеризующие перемены. Сосредоточившись на ряде критических эпизодов американской истории, Роберт Хиггс продемонстрировал поразительный и пугающий рост Большого Правительства. Его многообещающий труд освещает предмет исследования весьма подробно и таким образом, что книгу с интересом прочтут и ученые, и более широкая аудитория.

В обзоре наиболее популярных гипотез, выдвинутых для объяснения роста правительства, Хиггс признает, что у Большого Правительства было несколько источников. Но он крайне убедительно доказывает свое утверждение, что Большое Правительство вскормлено рядом последовательных кризисов прошлого столетия — депрессии и войны, которые создали условия и для значительного увеличения государственных расходов, и для усиления регламентации жизни и мышления американцев. Кризисы рано или поздно заканчиваются, оставляя осадок чрезвычайных функций и полномочий правительства. Правительство растет скачкообразно под действием феномена храпового механизма расширения полномочий, сопровождающего каждый кризис. Еще тревожнее то, что кризисы создают атмосферу, в которой правительство достигает своего рода автономии. Политические деятели и чиновники теперь могут позволить себе почти все что угодно, сообразуясь только с политическими страстями момента. Традиционно ограниченное представительное правление выбрасывается за борт. По знаменитому выражению лорда Актона, пассажиры существуют ради корабля.

Большим Правительством, к сожалению, очарованы многие. Это, разумеется, многочисленные получатели благ, которые так или иначе числятся в платежной ведомости. Хиггс

приводит полезный статистический обзор умножения числа федеральных ведомств, программ и видов деятельности. Но еще существеннее то, как идеология Большого Правительства завладела воображением общественности и затемняет реальность. Преемником былого абсолютизма монархии и церкви стал этатизм. Под видом государства благосостояния утвердилось военизированное государство. Таким образом, Большое Правительство превратилось в своего рода общенациональную лотерею, в которой каждый надеется выиграть и никто не думает проиграть. Разворачивающийся в Вашингтоне помпезный спектакль Большого Правительства усердно поддерживается преклонением перед великими людьми, которым мы окружаем верховную президентскую власть. Рядовые граждане не редко задумываются о том, что все это стоит денег — их собственных денег. Они жалуются на налоги, но не связывают эти налоги с ловушками и идеологией Большого Правительства.

Свой анализ Хиггс заключает глубоким и тревожным суждением о возможном будущем Америки. Неизвестно, смогут ли традиционные конституционные ограничения или своеобразное воздействие смешанной экономики предотвратить то, чего автор и другие страшатся как движения к социализму или фашизму. Хиггс предлагает размышлять о будущем не оптимистически, а как подобает просвещенным людям.

Артур Икирч
Университет штата Нью-Йорк, Олбани

Введение

Давным-давно средний американец мог заниматься своими повседневными делами, не замечая правительства, особенно федерального. Как фермер, торговец или промышленник он мог решать, что, как, когда и где производить и продавать, будучи ограничен только силами рынка. Только подумайте: никаких субсидий для фермеров, никакого регулирования цен или ограничения площади возделываемой земли; ни Федеральной торговой комиссии, ни антитрестовского законодательства, ни Комитета по торговле между штатами. Как наемный работник, работодатель, потребитель, инвестор, кредитор, заемщик, студент или преподаватель он мог действовать свободно, полагаясь исключительно на собственное разумие. Только подумайте: ни Национального управления по вопросам трудовых отношений, ни федеральных законов о «защите» потребителей, ни Комиссии по ценным бумагам и биржам, ни Комиссии по соблюдению равноправия при трудоустройстве, ни Министерства здравоохранения и социального обеспечения. В отсутствие центрального банка, эмитирующего бумажные деньги, люди для покупок обычно использовали золотые монеты. Ни налогов с продаж, ни подоходных налогов, ни взносов на социальное страхование. Государственные чиновники были такими же продажными, как сегодня, а может, и больше, вот только не было смысла их подкупать. Частные граждане тратили примерно в пятнадцать раз больше, чем все органы власти, вместе взятые.

Те дни, увы, остались далеко в прошлом. Теперь наша жизнь буквально во всех измерениях вращается в жестких пределах, очерченных государством. Мы постоянно и со всех сторон стеснены Большим Правительством. Государственное регулирование заслоняет перспективу. Государственные расходы составляют почти 40% валового национального продукта.

Моя книга представляет собой попытку объяснить рост этой внушающей благоговейный трепет совокупности сил, программ и видов деятельности, которую мы знаем как Большое Правительство. Чтобы понять, *почему* за последнее столетие США создали Большое Правительство, нужно знать, *как* оно росло.

Для понимания процесса, породившего этот рост, недостаточно знать лишь то, насколько выросли государственные расходы, налоги и занятость. Помимо знания того, насколько увеличились общие показатели масштабов государственного вмешательства, важно тщательно изучить динамику роста, потому что этот процесс шел не равномерно, а эпизодически и скачкообразно. Анализ, игнорирующий время и обстоятельства роста, представляющий его в виде некоей общей долгосрочной тенденции, оставляет без внимания важнейшие аспекты вопроса.

Далее, чтобы знать, как росло государственное вмешательство, нужно изучить, в чем именно оно состоит: рост государственного вмешательства стал результатом не того, что органы государственной власти стали делать больше для выполнения традиционных функций государства. Нет. Причина в том, что государство взяло на себя новые функции и программы — одни совершенно новые, а за другие прежде несли ответственность частные граждане. Процесс расширения государственного вмешательства нельзя охарактеризовать с помощью совокупных данных о государственных расходах, налоговых поступлениях или о числе работников государственного сектора. Собственно говоря, многие формы государственного регулирования экономической и социальной жизни не оставляют следов в бюджете, но при этом они оказывают сильное влияние на размещение и использование экономических ресурсов. Чтобы полностью охватить существенные характеристики деятельности государства и ее изменения во времени, необходимо использовать информацию, содержащуюся в законах, директивах регулирующих органов, президентских указах, постановлениях судов и тому подобных документах. В своем исследовании я попытался свести воедино всевозможные документальные свидетельства, будучи убежден, что нельзя понять, отчего усилилось государственное вмешательство, не зная, как это происходило. Поэтому в сравнении с тем, как подходят к этому же предмету экономисты, мой анализ меньше опирается на агрегированные количественные показатели и больше на качественные, а потому, можно сказать, менее строг и элегантен. Я надеюсь, однако, что он ближе к существу вопроса.

В отличие от обычных исследований, моя работа ставит в центр внимания вопрос о том, как политики, чиновники и граждане реагировали на чрезвычайные ситуации, затрагивавшие всю страну. Многим исследователям такой подход

представляется приписыванием результата событий «случайностям истории». Некоторым образом так оно и есть, и в этом - то вся суть. Описания роста американского правительства, рассматривающие его как неуклонное разворачивание динамичной замкнутой системы (так, например, подходят к делу те, кто считает, что урбанизация и индустриализация экономики неизбежно порождают большее правительство), не в силах объяснить ни того, почему рост имел место в одни периоды, а не в другие, ни существенные характеристики этого роста. Вот пример: не случайно расходы федерального бюджета резко выросли в 1929—1934 гг., и не случайно подавляющая часть прироста государственных расходов пошла на помощь фермерам и городским безработным. Ни одна теория, исходящая из существования долгосрочных тенденций, не в состоянии объяснить ни времени, ни содержания этих изменений. И такая теория не помогает понять долгую жизнь программ, созданных для преодоления временных кризисов и унаследованных от этих кризисов.

Главным наследием чрезвычайных государственных программ стали идеологические изменения, и прежде всего глубокая трансформация традиционных американских представлений о надлежащей роли федерального правительства в экономической жизни. В последние годы экономисты и ученые других специальностей все больше признают фундаментальную значимость идеологии для функционирования любой политико-экономической системы, но полезных моделей идеологических изменений я пока не видел. Новизна моей книги в серьезном отношении к рассмотрению идеологических изменений: целая глава посвящена исследованию природы идеологии и ее соотношению с политической экономией; в другой главе разрабатываются преимущественно рабочие гипотезы того, как кризисы и реакция государства на них породили характерные идеологические изменения в Америке XX века. Эта модель идеологических изменений в значительной мере определила форму и направление исторического исследования, содержащегося в главах с 5-й по 10-ю. Мне не известно другое обширное исследование расширения государственного вмешательства, в котором идеологические изменения играли бы столь же центральную роль в объяснении хода событий. Чрезвычайно трудно выявить связи между политико-экономическими и идеологическими изменениями и удостовериться в их

реальности. Пожалуй, во всех общественных науках нет столь сложной и неуловимой области, как социология знания, — но нет и ничего более фундаментального. Если моя книга хоть немного поможет в понимании взаимосвязи политико-экономических и идеологических изменений, я буду рад, что трудился не напрасно.

Истон, шт. Пенсильвания
Январь 1987 г.
Р. Х.

Благодарности

Несмотря на то что я работаю штатным профессором экономики, последние шесть лет я был поглощен исследованиями, которые легли в основу этой книги. Рост американского правительства, понимаемый надлежащим образом, — необъятная тема. Чтобы разобраться в ней, нужно ознакомиться с соответствующими материалами и результатами ряда таких дисциплин, как история, право и ряд других общественных наук. Вряд ли я достиг бы многого без помощи многих ученых и нескольких организаций.

За чтение и комментирование предварительных вариантов одной или более глав, и зачастую весьма пространное и детальное, я благодарен Ли Алстону, Артуру Икричу, Прайсу Фишбэку, Полу Готфриду, Джону Хьюзу, Эйлин Крейдитор, Дуайту Ли, Форресту Макдональду, Дугласу Норту, Уильяму Паркеру, Мюррею Ротбарду, Энди Раттену, Шарлоте Туайт, Джону Уоллису и Гэри Уолтону. Анонимный рецензент из издательства *Oxford University Press* тоже в последний момент подал мне хороший совет об исправлениях.

За предоставленные мне копии опубликованных статей и еще не завершенных черновых вариантов я благодарен Терри Андерсону, Бену Бааку, Эдварду Бадду, Йону Элстеру, Максиму Хартвеллу, Майклу Хейтеру, Альберту Гиршману, Джозефу Калту, Джеймсу Кау, Аллену Келли, Гэри Лайбкэпу, Карлу-Дитеру Оппу, Е. Пасур, Эдварду Рэю, Джозефу Рейду, Хью Рокоффу, Ричарду Роузу, Дэвиду Шапу, Гарри Шейберу и Ричарду Тимберлейку.

У меня, к счастью, было много возможностей представить мои идеи группам ученых. Каждая такая возможность была ценной и полезной, и я благодарен участникам семинаров и симпозиумов, проходивших в ряде университетов, а именно: Вашингтонском, Хьюстонском, Техасском (А&М); Дьюк, Пенсильванском, Джорджии, штата Пенсильвания, Лихай, штата Северная Каролина, Майами (Огайо), штата Аризона, Джорджа Мейсона и Ратджерса, а также в следующих колледжах: Лафайетта, Геттисбергском, Святого Креста и Монтклер, входящий в университет штата Нью-Джерси.

Я также благодарен участникам собраний Ассоциации историков экономики, Общества общественного выбора, Экономической ассоциации южан, Ассоциации частных образовательных заведений, Летнего института по теории общественного выбора (финансируемого Советом по философским исследованиям) и Девятой международной конференции по вопросам истории экономики. Наконец, я благодарен тем, кто участвовал в семинаре Гуверовского института войны, революции и мира и в семинаре по экономической истории Большого Вашингтона.

Ранние варианты тех или иных частей книги появились в виде статей в журналах *Pathfinder* (1982), *Freeman* (1983), *Continuity: A Journal of History* (1983), *Intercollegiate Review* (1984) и *Explorations in Economic History* (1985). Я благодарен редакторам этих журналов, давших мне возможность рассказать о своих идеях и представить их критическому вниманию читателей.

С самого начала работа над книгой шла при содействии и поддержке Тихоокеанского исследовательского института государственной политики. Я благодарен Уильяму Меллору, Дэвиду Теру, Брюсу Джонсону, Чарльзу Бэрду и Грегори Кристенсену за их любезность и терпение, превозмогшие все препятствия. Среди всего хорошего, что сделал для меня Институт, было то, что он познакомил меня с Центром либертарианских исследований. Центр внес существенный финансовый вклад в успех моего проекта, предоставив мне стипендию им. Людвига фон Мизеса на исследования в области гуманитарных и социальных наук на 1983—1984 гг.

Я начал работу над проектом в Вашингтонском университете и закончил ее в колледже Лафайетт. В первом я многому научился у студентов и коллег. В частности, дискуссии с Дугласом Нортон на протяжении почти пятнадцати лет подстегивали мой интерес к изучению роста правительства. Кроме того, Дуг помогал мне так много, что мне никогда с ним не расплатиться. Но я никогда не забуду и не перестану глубоко ценить все то, что он сделал для меня. Президент колледжа Лафайетт Дэвид Илз и проректор Сара Бланши великодушно поддерживали мои исследования. Декан экономического факультета Джерри Хиви сделал исключительно много, чтобы помочь мне с переездом и устройством на новом месте. Рон Роббинс, Мари Чиофало и другие сотрудники библиотеки Скиллмена постоянно помогали мне в работе, отыскивая трудноуловимые

документы, ускоряя доставку заказанных книг или отвлекаясь от собственных дел, чтобы срочно сделать для меня копии нужных текстов. Мне очень помогла Мэнди Шейн, мой ассистент в 1983—1984 гг. Мои секретари, Кэрол Рифферт и Элейн Молчан множеством способов облегчали мою ношу.

После того как я с чувством огромного облегчения завершил окончательный вариант текста и отправил его для подготовки к публикации в Тихоокеанский исследовательский институт, Дональд Маккლოსки прочел его и убедил меня, что он недостаточно хорош и нужно еще раз его переработать. Я что, должен быть ему благодарен даже за это душераздирающее вмешательство в последнюю минуту? Во всяком случае, читатели в долгу у Маккლოსки; его совет заставил меня еще покорпеть над текстом, и книга стала лучше.

Наконец, Кэти и Мэтт, мои самые любимые, из-за которых все эти труды представлялись оправданными. Они мирились с моей одержимостью, с чтением книг за завтраком, с работой по ночам и по выходным и с постоянным нытьем, что я «ничего не успеваю». Мэтт помог мне справиться с компьютером, и он же построил графики для глав 2 и 4. В самом начале проекта Кэти работала в качестве моего научного сотрудника. Позднее, когда на нее навалились другие дела, она никогда не отказывала мне в поддержке и ободрении и была мне своего рода резонатором. Она знает, почему книга посвящена ей. Без нее она просто не была бы написана.

Любое общество, которое допускает усиление государственного механизма, давая ему неограниченный контроль над экономикой, и сводит в единое целое государство и экономику, находится в состоянии упадка. И для его народа, и для свобод, им поддерживаемых, здесь будущего не больше, чем было при феодализме.

Олвин У. Гулднер

Часть первая

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СХЕМА

Глава 1

ИСТОЧНИКИ БОЛЬШОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА: КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ГИПОТЕЗ

Одним из самых поразительных явлений нового времени стал неуклонный рост государственного сектора. Несмотря на то что все последовательные шаги к расширению правительства сопровождались горячими спорами, научное понимание сил, порождающих этот процесс, практически отсутствует.

Дж. Хиршлейфер

Мы нуждаемся в государственном управлении. Известного рода задачи по силам только государству. Всем нам придется плохо без государства, которое защищает от внешней агрессии, поддерживает внутренний порядок, определяет и охраняет права частной собственности. К сожалению, государству, достаточно сильному, чтобы защитить нас, может хватить сил и для того, чтобы нас раздавить. Признавая этот огромный потенциал разрушения и угнетения, некоторые считают государство необходимым злом. Выдающийся архилибертарианец, но не анархист Людвиг фон Мизес оспаривал такую характеристику. «Государство как таковое, — провозгласил он, — не только не является злом, но и представляет собой необходимый и благотворный институт, без которого невозможно развитие и сохранение устойчивого общественного сотрудничества и цивилизации». Как и остальные последователи Локка, Мизес был убежден, что сильное, но ограниченное государство не только не притесняет своих граждан, но и дает им возможность быть свободными и производительными¹.

¹ Ludwig von Mises, *The Ultimate Foundation of Economic Science: An Essay on Method* (Kansas City, Kans.: Sheed Andrews and McMeel, 1978), p. 98. См. также: Frank H. Knight, *Freedom and Reform: Essays in Economics and Social Philosophy* (Indianapolis: Liberty Press, 1982), p. 232.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru